

Yuri S. Kostylev

Perm State National Research University, Perm, Russia

Prerevolutionary Names of Mining Sites of the Beryozovsky Gold Deposit

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 3, pp. 226–240

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.041

Language of the article: Russian

Костылев Юрий Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пермь, Россия

Дореволюционные названия объектов Березовского месторождения золота

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 226–240

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.041

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.041

УДК 811.161.1'373.22 + 811.161.1'373.237 + 622.2(470.54)(09)

Ю. С. Костылев

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ ОБЪЕКТОВ БЕРЕЗОВСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ ЗОЛОТА*

Статья посвящена названиям копей, приисков, рудников, жил и других искусственных и естественных объектов Березовского месторождения золота, возникшим в период с 1745 г. (начало разработки месторождения) по 1917 г. Подавляющее большинство ономастических единиц рассматриваемой группы появилось в XVIII–XIX вв. и находится в более или менее активном узусе до сих пор. В качестве источника материала привлекались специализированные работы по истории золотодобычи на Среднем Урале, и конкретно на Березовском месторождении. К анализу привлекается 268 топонимов. Ономастические единицы рассматриваются в мотивационном аспекте и с точки зрения их системных связей. Значительная часть (до 50 %) наименований является результатом формальной либо семантической деривации и прямого наследования объектами наименований друг друга вследствие метонимических переносов или реорганизации. Наиболее значимый пласт наименований представляют топонимы, мотивированные антропонимами. Лица, в честь которых назывались объекты месторождения, не всегда имели непосредственное отношение к работам на рассматриваемой территории, значительная часть таких наименований имеет мемориальный характер. Часто встречаются названия, данные в честь руководителей работ или владельцев конкретных объектов. Значительное место в качестве мотивирующей занимает лексика религиозной сферы. Названий, мотивированных свойствами объекта, относительно немного, в качестве

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала».

© Костылев Ю. С., 2020

мотива номинации чаще всего выступает характеристика перспективности разработки или географическое положение. Все эти особенности ярко демонстрируют искусственный характер анализируемой ономастической системы. Основным экстралингвистическим фактором, определившим такой подход, является регулярное государственное освоение территории месторождения, требующее административного вмешательства в процесс создания системы наименований объектов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: золотопромышленность, горное дело, Средний Урал, Березовский, ономастическая система, антропонимия, мотивационная модель, метонимия.

Березовское месторождение золота было открыто в середине XVIII в. Практически с самого начала разработки добыча на нем была организована государством, а не частными старателями. Изначально деятельность была направлена на добычу жильного золота, которая не прекращалась даже при развитии работ с россыпным золотом. Регулярный, организованный государством подход привел к тому, что массив наименований объектов месторождения с самого момента возникновения имел черты искусственной системы.

Всего по письменным источникам удалось выявить около 290 наименований различных объектов месторождения. Подавляющее большинство этих названий возникло в дореволюционный период, объекты переименовывались крайне редко, и, как показывают источники, многие дореволюционные топонимы до сих пор находятся в более или менее активном узусе. В послереволюционный период новых наименований появилось очень мало, так что практически весь выявленный материал относится к интересующему нас периоду. При этом можно отметить, что послереволюционный период номинации имеет яркую специфику — объекты стали называться в честь деятелей революционного движения (*Кирова*, рудник; *Ленина*, шахта) и т. п. Некоторая часть обозначений объектов месторождения (11 единиц) представляет собой номерные наименования (*№ 5*, шахта; *№ 6*, лихтлог и т. п.), они не будут рассматриваться в работе.

Объектом рассмотрения в статье стали 268 номинативных единиц, обозначающих как естественные, так и искусственные объекты Березовского месторождения золота, появившиеся в период с 1745 по 1917 гг. На данном этапе исследования привлекались только письменные источники, поскольку полевые сборы материала затруднены в связи с хронологической удаленностью рассматриваемого периода. Однако при дальнейшем изучении проблемы работа с информантами может помочь решить некоторые вопросы, например вопрос узuality / окказиональности тех или иных номинативных единиц. В качестве источника материала привлекались работы по истории золотопромышленности, истории Среднего Урала и конкретно города Березовского и Березовского месторождения золота [БЗК; БЗМ; БМЗ; Весновский, 1989; Данилевский, 1959; Локерман, 1978; МЗУ; Митинский, 1909; Рождественская, 1946; Тетеркин, Романихин, 1973; Чупин, 1873].

Работа носит обзорный характер, но подразумевает в дальнейшем более углубленное изучение материала, связанное с пристальным рассмотрением наименований различных типов объектов, а также подробный анализ мотивационных признаков, легших в основу номинации этих объектов.

Само название месторождения связано с именем речки Березовки, протекающей по его территории. Первый рудник, разрабатываемый на территории месторождения, имел наименования *Пышминский* и *Шарташский*, мотивированные названиями ближайших населенных пунктов (поселков Пышма и Шарташ соответственно).

Наиболее распространенным и значимым в практическом плане номинируемым типом объекта в рассмотренном материале является жила, которая также может именоваться *полосой*. Всего было обнаружено 59 наименований жил. С точки зрения мотивировки чаще всего (26 наименований) мы сталкиваемся с отантропонимическим именованием жил (*Андреиановская, Ивановская, Петровская* и т. п.), что вполне укладывается в общие принципы номинации подобного рода объектов: конкретные точки добычи полезных ископаемых (жилы, копи, скопления), как показывает топонимический материал в целом, часто получают свое название по именам лиц, которые работают на этих точках либо обнаружили их.

Названия жил могут иметь также отобъектную мотивировку. В качестве мотивировочного признака выступают различные характеристики жилы, наиболее важными из которых оказываются следующие: перспективность разработки (*Богатая, Отрада, Ненадежная*), внешняя форма (*Кривая, Короткая, Переплетенная*), значение проводимых на ней работ (*Опорная, Вспомогательная*), условия добычи (*Ключевская* — по обилию ключей, затапливающих выработку и выносящих в нее золотой песок). Кроме того, важным, судя по количеству наименований, является характеристика жилы по местоположению. В этом случае в названиях жил встречается простая привязка по сторонам света (*Западная, Восточная*), привязка к окружающим объектам, выраженная оттопонимическими образованиями (*Калиновская, Запышминская*), характеристика окружающего рельефа (*Нагорная*). Привязка жилы может также производиться относительно других жил и прочих объектов месторождения (*Поперечная, Параллельная, Пересеченная, Угловая*). Особенно интересным с точки зрения построения системы выглядит присвоение двум жилам наименования *Восточная*. Одна из них действительно находится на востоке месторождения, так что ее название не вызывает вопросов. Другая же расположена строго на западе рассматриваемой территории, что требует объяснения. Похоже, что это название возникло как антонимичное по отношению к наименованию жилы *Западная*, которая находится на западе месторождения и идет параллельно *Восточной* жиле, также расположенной на западе месторождения. Курьезно выглядит тот факт, что в этой микросистеме из двух объектов жила *Западная* находится на севере, а *Восточная* — на юге.

Названия трех жил мотивированы лексикой религиозной сферы (*Богоявленская, Воскресенская, Успенская*). Конкретная мотивировка таких названий требует уточнения, поскольку здесь возможны разные варианты бытования донорской лексемы: от именованного праздника, хронологически близко от которого была найдена жила, от названия ближайшей церкви либо от названия родного населенного пункта или фамилии открывателя жилы.

Весьма многочисленны (39 единиц) на рассматриваемой территории названия даек (геологических тел, в корпусе которых может находиться жильное золото). Подавляющее большинство названий даек совпадает с названиями жил, т. е. имеет место метонимический перенос: *Кривая*, жила > *Кривая*, дайка; *Первоначальная*, жила > *Первоначальная*, дайка. Поскольку для фиксации наличия дайки требуется открытие и разработка жилы, первичность называния жилы кажется само собой разумеющейся. Более того, в некоторых случаях не удалось зафиксировать первичного названия жилы, но наличие дайки с определенным наименованием позволяет предположить наличие жилы с таким же названием. Речь идет о случаях типа *Надежная*, дайка, при отсутствии **Надежная*, жила, однако можно предположить существование жилы с таким названием. Вероятность этого подкрепляется наличием жилы *Ненадежная*, именование которой, очевидно, образовывало семантическую микросистему с *Надежной*. Таким образом, лакуны в материале, касающиеся названий жил, могут быть заполнены с опорой на общие принципы наименования объектов месторождения.

Наиболее частотной, как и в случае с названиями жил, является отантропонимическая модель именованной дайки (*Андреевская, Ильинская, Платоновская, Второпавловская* и т. п.). Всего обнаружено 22 наименования такого типа. Встречаются и отобъектно номинированные дайки, причем признаки номинации совпадают с признаками номинации жил — наиболее важными оказываются перспективность разработки дайки (*Надежная*), ее форма или форма пересекающей ее жилы (*Переплетенная*), ее географическое расположение (*Ост, Параллельная*). Такое совпадение моделей номинации можно объяснить продуктивностью и регулярностью метонимических переносов от наименований жил. Во всяком случае, в рассмотренном материале из 39 названий даек 24 определенно являются результатами такого переноса. Вероятно, таких совпадений в силу высказанных выше соображений может быть и больше. Как и в случае с наименованиями жил, следует отметить развитие микросистем (*Первопавловская — Второпавловская, Диагональная — Вторая Диагональная*). Очевидно, что свою роль играет сходство типов номинируемых объектов: и жила, и дайка рассматриваются номинатором как определенное геологическое образование, содержащее золото и иные полезные ископаемые, так что подход к номинации жил и даек существенно не различается.

Группы даек, так называемые *свиты*, также имеют свои названия. Выделяются три свиты, именуемые *Западная, Центральная и Восточная*. Поскольку в силу геологического строения региона жилы в основном ориентированы

в направлении «север — юг», деление и наименование свит по линии «запад — восток» кажется наиболее очевидным и вполне естественным.

Особый интерес представляют наименования в е р с т о в ы х к в а д р а т о в, введенные в 1804 г. [БЗМ, 16] для обозначения отдельных участков месторождения. Территория основной разрабатываемой части месторождения была поделена на 56 квадратов, каждому из которых присвоили собственное название. Обращает на себя внимание сам факт, что квадраты эти были не просто номерные, а имели наряду с номерами и названия [Чупин, 1873, 99]. При этом, судя по источникам, номерные обозначения в документации месторождения практически не использовались, т. е. ведущим было именное обозначение. Также следует отметить, что, по указанию источников, квадраты также именовались *рудниками*, а значит, термин *рудник* не столько обозначал производственный объект, сколько использовался для указания участка на карте: «Потом для правильного учета работ каждая часть линиями, проведенными параллельно вышеупомянутым двум главным, разделена на квадратные участки, величиною каждый 1 кв. версту, называемые *рудниками* или просто *квадратами*. Каждый рудник имеет свой номер и свое название, напр. № 1 князе-Константиновский рудник или квадрат, № 24 Преображенский рудник, № 45 Цветной рудник»¹ [Там же]. Здесь мы можем предположить, что номинаторы осознанно, административным решением положили метонимический подход в основу системы обозначений (название рудника → название верстового квадрата). Приведенное выше высказывание постулирует тождество наименований рудника и квадрата, более того, указывает на то, что это один и тот же объект. Однако само предположение о таком тождестве требует существенного уточнения. Дело в том, что, как указывает карта Березовского месторождения 1900 г. [цит. по: БЗМ, 17], *Успенский* рудник находится не в *Успенском*, а в *Елизаветском* квадрате, *Преображенский* рудник, находясь в *Преображенском* квадрате, выделен как отдельный объект (т. е., по мнению авторов карты, это разные объекты), а *Андреевский* квадрат находится на территории *Александровского* пруда, т. е. рудником, очевидно, являться не может.

В мотивационном аспекте обращает на себя внимание сравнительно большое количество наименований квадратов, мотивированных лексикой религиозной сферы (12 названий: *Преображенский*, *Воскресенский*, *Трехсвятительский* и т. п.). При этом такие названия не всегда соотносены с аналогичными наименованиями других объектов (жил, даек).

Не совсем понятно, можно ли отнести в эту группу наименования типа *Николаевский*, *Ильинский*, *Владимирский* и т. п. Возможно, эти названия образованы от имен святых и пророков, но вероятность этого кажется не очень высокой, учитывая принципиальную распространенность отантропонимических названий в топонимии месторождения. Во всяком случае, этот вопрос требует более углубленного изучения.

¹ Орфография источника сохранена.

11 наименований даны в честь членов императорской фамилии (*Царево-Мариинский, Царево-Александровский, Князь-Константиновский*). Интересную микросистему в этом смысле создает название *Первопавловский*, восходящее к имени Павла I. Поскольку такая словообразовательная структура несколько затемняет мотивацию, в дальнейшем на месторождении появляется название *Второпавловская* (жила, дайка), притом что объектов с названием **Павловский* на месторождении нет. Эта микросистема демонстрирует интересный пример возникновения внутрисистемных отношений при полном отрыве мотивированной единицы от мотивирующей. Две пары квадратов имеют названия, восходящие к одному и тому же имени: *Елизаветский* (в источнике — *Елизаветинский*, что, вероятно, является опечаткой) и *Елизаветинский; Мариинский и Царево-Марьинский*.

Отметим, что наименования, мотивированные женскими именами, требуют особенно пристального внимания. Если квадраты и рудники *Царево-Мариинский (Царево-Марьинский) и Царево-Елизаветинский (Царево-Елизаветский, Елизаветский)* названы в честь цариц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны (жен Павла I и Александра I соответственно), то не очень понятно, в честь кого названы квадраты *Аннинский, Екатерининский, Мариинский, Елизаветский*. Возможны разные варианты мотивировки — от имен святых до имен, к примеру, жен первооткрывателей золотых месторождений на данном участке. Однако наиболее вероятным кажется предположение о мотивации и этих объектов именами императриц.

Учитывая обилие имен представителей царской фамилии на карте месторождения, интересной кажется история переименования шахты *Романовской*, давшей название квадрату *Романовский*. Названа эта шахта была, возможно, в честь унтерштейгера К. Романовского, работавшего на месторождении во второй половине XVIII в. [Тетеркин, Романихин, 1973, 12]. В послереволюционный период это название, вероятно, было осмыслено как произошедшее от фамилии царской династии, и шахта была переименована в *Красный Партизан* [Рождественская, 1946, 74], в обиходе также *Партизан* [БЗМ, 37].

Лексика, относящаяся к двум указанным группам (религиозная сфера и имена представителей царствующей фамилии), мотивирует не менее 35 % названий квадратов. Исследователи обращали внимание на распространенность данных моделей для названий именно этого периода (конец XVIII — начало XIX в.) и именно этой сферы (объекты золотодобычи) [Голомидова, 1998, 180–181]. Поскольку такие наименования не отражают никаких существенных признаков объектов, их можно оценить как ярчайший пример целенаправленного создания искусственной топонимической системы.

Вполне естественным образом укладываются в общие принципы номинации объектов месторождения отантропонимические наименования квадратов. Всего таких названий зафиксировано 19 (исключая уже рассмотренные наименования, относящиеся к лицам императорской фамилии). Часть из них вновь определенно

демонстрирует перенос названия с одного объекта на другой (*Ильинская*, дайка > *Ильинский*, квадрат; *Севастьяновская*, дайка > *Севастьяновский*, квадрат; *Комаровская*, шахта > *Комаровский*, квадрат и т. п.). Определенно удалось установить не менее девяти случаев переноса наименований жил, даек, приисков, шахт, рудников на наименования квадратов. Объекты назывались как в честь лиц, открывших или разрабатывавших золотоносные жилы, так и в честь руководителей работ разных рангов. Например, квадрат *Комаровский* назван в честь мастерового Егора Комарова, открывшего на этой территории рудник [БЗМ, 16], а квадрат *Вагнеровский*, скорее всего, получил свое название в честь геолога П. И. Вагнера, работавшего на Среднем Урале. *Соймоновский* квадрат назван, по-видимому, в честь В. Ю. Соймонова, председателя Временной горной комиссии, отвечавшей за разработку золота на Среднем Урале, в том числе за расширение работ на Березовском месторождении [Локерман, 1978, 87]. Кроме того, вероятно, часть квадратов переименовывалась, так что количество наименований, встретившихся в источниках, больше, чем количество собственно квадратов. Так, в качестве названий квадратов встретились наименования *Адамовский* и *Аннинский* (какие именно квадраты в данном случае были переименованы, установить не удалось), что увеличивает количество отантропонимических наименований рассматриваемого типа на две единицы.

Часть названий квадратов (14 единиц) указывает на характеристики объекта. Так, пять названий содержат выраженную тем или иным образом географическую привязку объекта: *Пышминский* (находится около р. Пышма), *Перекрестный* (находится в центре сетки квадратов), *Шиловский* (находится в восточной части месторождения, в направлении д. Шиловка), *Калиновский* (находится в западной части месторождения, в направлении д. Калиновка), *Верхнепрудный* (находится в верховьях Александровского пруда). К этой группе примыкает также ряд наименований, характеризующих особенности рельефа местности (*Болотный*, *Подгорный*, *Нагорный*).

Наименования *Ключевской* и *Небогатый* характеризуют условия выработки (подтопление ключами и малую перспективность разработки соответственно). Названия *Шестой* и *Первоначальный* указывают на очередность открытия и разработки соответствующих участков. Можно, кстати, обратить внимание на отмеченное выше дублирование собственных наименований квадратов номерной системой. В этом случае собственному названию *Шестой* будет соответствовать некое номерное обозначение (вероятно, по своему расположению в картографической сетке квадрат с названием *Шестой* будет носить номер 16). Квадрат *Цветной* получил свое название, скорее всего, из-за находящихся в нем руд и минералов самых разнообразных цветов.

Как видно из приведенного выше материала, весьма частотным является перенос наименования с одного объекта на другой, так что отобъектно мотивированные наименования имеют соответствия в наименованиях объектов других типов.

Кроме того, указанная квартальная сетка была поделена на четыре части, и сами эти части получили наименования путем метонимического переноса: *Ильинская* (Н. Чупин прямо указывает: «по имени важнейшего рудника» [Чупин, 1873, 99]), *Ключевская*, *Соймоновская* (наименование четвертой части неизвестно), причем квадрат *Перекрестный* находится на пересечении линий, делящих квартальную сетку на эти части.

Следующим по частотности именуемым типом объекта является рудник. Всего зафиксировано 22 наименования рудников. Как сказано выше, названия рудников предположительно должны совпадать с названиями верстовых квадратов. Однако, как показывает рассмотренный материал, это правило соблюдается весьма ограниченно: так, из 22 названий рудников с названиями верстовых квадратов совпадает всего 8 (*Елизаветинский*, *Ильинский*, *Ключевской*, *Комаровский*, *Первоначальный*, *Соймоновский*, *Цветной*), так что в этом случае можно предположить перенос названий части квадратов с названий рудников. Сами же эти рудники, кроме *Елизаветинского* и *Цветного*, в свою очередь, получили названия вследствие метонимических переносов с более мелких объектов (жил, даек). Остальные названия рудников также вполне вписываются в общую систему именования объектов месторождения. Здесь присутствуют отантропонимические образования (*Волковский*, *Коневский*, *Петро-Михайловский*, *Ушаковский*, *Мочаловский*), названия, характеризующие перспективность разработки (*Благодатный*, *Второблагодатный*), окружающий рельеф (*Низменный*), привязку к местности по ближайшим населенным пунктам — деревням *Шарташская*, *Пышминская*, *Становая* (*Шарташский*, *Пышминский*, *Становской*) [Тетеркин, Романихин, 1973, б]. Метонимические переносы проявляются и в этой системе наименований. Так, рудник *Коневский*, например, назван, вероятнее всего, по прииску *Коневскому*. Кроме того, в источниках встречается вариант названия прииска *Коновский*. Этот прииск расположен за пределами квартальной сетки, на краю Березовского месторождения, так что, возможно, его наименование отражает географическую характеристику объекта как расположенного на краю (ср. диал. *кон* ‘конец, предел’, ‘межа, граница участка’ [СРНГ, 14, 242–243]), а затем уже это наименование было переосмыслено как отфамильное образование, на что оказала влияние чрезвычайная распространенность отантропонимических наименований на месторождении. Нельзя, однако, исключать и простой опечатки в источнике: *Коневский* > *Коновский*.

Рудники могли менять названия с течением времени. Так, рудник *Первоначальный* имел до 1804 г. названия *Шарташский* (очевидно, по названию населенного пункта, из которого был родом Ерофей Марков, первооткрыватель березовского золота) и *Пышминский* — по наименованию ближайшей реки. Мотивировку названий рудников типа *Шарташский* и *Становской* можно рассматривать как двойную: с одной стороны, эти рудники расположены в направлении одноименных населенных пунктов, так что здесь можно говорить о случае метонимического переноса; с другой — разведаны они жителями этих населенных пунктов: Ерофеем

Марковым из Шарташа [БЗМ, 13] и Семеном Швецовым из Становой [Тетеркин, Романихин, 1973, 10], т. е. номинации имеют мемориальный характер.

Наименования шахт имеют, как правило, отантропонимическое происхождение — из 26 названий шахт 18 образованы от фамилий. При этом в отличие от прочих объектов месторождения их названия могут иметь вид «тип объекта + фамилия в род. п.» (*шахта Валуева, шахта Вилашева*) наряду со случаями образования отфамильного прилагательного (*Валуевская, шахта, Вилашевская, шахта*). Такие отфамильные наименования в большинстве случаев (не менее 13 единиц) указывают на владельца шахты, пайщика Березовской золотопромышленной компании [БЗК, 30]. Название *Марковская*, очевидно, имеет мемориальный характер: шахта названа в честь Ерофея Маркова (она расположена рядом с местом, где он обнаружил золото). Название *Комаровская* также мемориальное, но одновременно оно связано с метонимическим переносом с названия рудника. Интересным кажется случай именованя шахты не по фамилии владельца, а по его имени. Речь идет о наименовании шахты *Максимилиановская* — по имени пайщика Максимилиана Лейхтенбергского.

Как и прочие объекты, шахты могут именоваться и с учетом собственных признаков объектов (*Нагорная, Косая, Вспомогательная*). *Асташевская* шахта изначально имела название *Кунст-шахта* (от нем. *Kunst* ‘мастерство, искусство’), что, по-видимому, указывает на некие привлекательные свойства объекта (внешний вид или, вероятнее, перспективность разработки).

Названия копей и приисков в исследуемом материале встречаются весьма редко. Объясняется это, вероятно, систематическим промышленным освоением территории. Поскольку копи и прииски представляют собой сравнительно небольшие в организационном плане образования, даже в случае их появления и разработки они довольно быстро реорганизовывались в рудники, карьеры, шахты; соответственно, в рассматриваемом материале такие названия фиксировались как принадлежащие другим типам объектов. Всего были обнаружены названия трех копей и групп копей (*Ивано-Редикорцевская, Евгение-Максимилиановская, Крокоитовый Шурф*) и четырех приисков (*Мариинский, Коневский, Новоандреевский, Приканавский*). В названиях копей обращает на себя внимание комплексная — по двум элементам полного имени — форма названия. *Ивано-Редикорцевская* копь названа в честь И. И. Редикорцева, горного инженера, посетившего ее. Название группы копей *Евгение-Максимилиановская* образовано не от имени и фамилии, а от имени и отчества (в честь Евгении Максимилиановны Лейхтенбергской [БЗК, 151]). Кстати, этот пример значительно отличается от приведенных выше случаев мотивировки названий женскими именами, поскольку для более раннего периода существенными были мемориальная мотивировка и мотивировка именем лица, производящего работы. Здесь же название встраивается в систему имен владельцев объектов месторождения и выглядит вполне естественно.

Учитывая первичность появления копей и приисков по отношению к остальным объектам месторождения, можно представить, что именно название копи или прииска могло стать первым звеном в ряду метонимических переносов названий объектов. Но поскольку эти наименования не сохранились в силу быстрой реорганизации объектов, мы можем только предполагать — с большей или меньшей степенью уверенности — такую возможность. При этом следует оговориться, что зафиксированные названия не подтверждают такой путь переноса. Название прииска *Новоандреевский* восходит к названию *Андреевский*², прииск *Приканавский* назван по *Капитальной канаве*, предназначенной для отведения воды с территории месторождения, а название прииска *Мариинский* восходит к церковной форме женского имени *Мария* и вряд ли могло быть образовано от имени горного инженера или рабочего, разрабатывавшего этот прииск. Кроме того, как было продемонстрировано выше, название *Мариинский* носит и верстовой квадрат, так что теоретически нельзя исключать и обратного пути переноса — с названия квадрата на название прииска. Во всяком случае, этот вопрос требует дальнейшего изучения и углубленного сбора материала, затрудненного кратким временем существования этого типа объектов.

В исследуемом материале обнаружены названия всего двух карьеров, находящихся на месторождении: *Коневский* и *Ушаковский*. Столь малое число таких названий вполне объясняется использованием преимущественно шахтного способа добычи на этой территории. Сами же эти названия вполне укладываются в общую схему присвоения наименований на данной территории и восходят к названиям прииска и рудника соответственно.

Большая часть штолен, вероятно, имела номерные обозначения, однако удалось зафиксировать собственные названия семи вассерштолен, предназначенных для отведения воды из шахты: *Ильинская*, *Ключевская*, *Первопавловская*, *Преображенская*, *Березовская*, *Цветная*, *Княжеская*. Эти названия в очередной раз демонстрируют систематические метонимические переносы с наименований рудников (или, в случае с *Березовской*, с названия реки, в которую спускали воду), а название *Княжеская*, возможно, связано с обозначением представителя царской фамилии (учитывая распространенность на месторождении такой стратегии именования).

Как видно из приведенного материала, система наименований объектов Березовского месторождения золота демонстрирует очень высокую степень искусственности. Следует напомнить, что с самого начала своего существования территория месторождения разрабатывалась планоно, с привлечением государственных средств, а не частным старательским образом. Регулярность организации работ

² Прииск с таким названием в собранном материале не зафиксирован, однако обнаружены дайка *Андреевская* и квадрат *Андреевский*. Учитывая многочисленные случаи переноса наименований с одного объекта на другой, можно предположить существование и прииска с таким названием.

вызывала необходимость более или менее однотипного подхода к именованию объектов месторождения. Кроме того, не мог не сыграть своей роли тот факт, что в рассмотренной системе практически нет безусловно естественных объектов рельефа. Очевидно, что наименования рудников, шахт, копей, приисков, квадратов — это наименования искусственных объектов. Но даже естественные геологические образования типа жил и даек могли привлечь внимание не раньше того момента, как они были обнаружены и на них начали проводиться работы. Следовательно, даже подобного рода объекты следует рассматривать как искусственные. В такой ситуации весьма предсказуемым выглядит формирование именно искусственной ономастической системы.

Следует отметить широко представленные случаи формального развития первичного наименования в корпусе названий объектов месторождения: *Андреевская*, дайка — *Новоандреевский*, прииск; *Первопавловская*, жила — *Новопавловская*, жила — *Второпавловская* жила; а также образование новых наименований при помощи присвоения числового индекса (*Диагональная*, дайка — *Вторая Диагональная*, дайка; *Андреевская*, дайка — *Андреевская-II*, дайка; *Соймановская*, дайка — *Соймановская-II*, дайка и т. п.). Кроме того, для этой системы характерно использование метонимических переносов при наименовании объектов месторождения, находящихся в пределах небольшого участка, когда по одному исходному наименованию называется ряд близлежащих объектов (например, *Ключевская*, жила — *Ключевской*, рудник — *Ключевская*, вассерштольня — *Ключевской*, квадрат и т. д.). От подобных случаев следует отделять не столь многочисленные привязки к объектам, находящимся за пределами месторождения (рудники *Шарташский*, *Пышминский*, *Становской*, *Калиновский*, названные по близлежащим населенным пунктам, поселкам Шарташ, Пышма, Становой, Калиновский). В этом случае мы имеем дело с явно отобъектной мотивировкой ономастической единицы по ее географическому положению — в отличие от случаев, в которых искусственным образом создается целое метонимическое гнездо соотнесенных друг с другом в пределах месторождения объектов, когда на основании одной опорной единицы могут называться до семи объектов (*Соймановская*, дайка, жила; *Соймановская-II*, дайка, жила; *Соймоновский*, верстовой квадрат, рудник), так что количество именованных объектов значительно выше, чем количество уникальных названий. В корпусе рассмотренного материала (268 единиц) уникальные, т. е. не возникшие вследствие разных типов переносов (в число таких случаев включается и перенос названий вследствие реорганизации объекта) или формальной деривации, производящие основы представлены всего в количестве 136. Все остальные номинативные единицы являются производными.

Обилие объектов, называемых одной опорной единицей, заставляет предположить многоступенчатый путь переноса наименования. Вероятно, первым в ряду становится название копи или прииска, поскольку именно этот объект возникает раньше других. При этом данное название не сохраняется в силу быстрого

расширения и реорганизации объекта. По названию копи получает наименование жила, разрабатываемая этой копью. Затем как более крупный объект называется дайка. Следующим получает название рудник, находящийся на этой дайке, а по руднику получает название верстовой квадрат. Таким образом, типичная метонимическая цепочка, скорее всего, выглядит следующим образом: копь / прииск → жила → дайка → рудник → верстовой квадрат. Учитывая принципиально регулярный характер работ, проводимых на месторождении, такие переносы выглядят вполне оправданными, поскольку позволяют соотнести объекты разных типов друг с другом и понять, что находятся они в одном месте. Однако этот подход существенно размывает функцию ономастической единицы, поскольку вызывает широкую омонимию названий. При рассмотрении этой номинативной цепочки также следует иметь в виду, что некоторые верстовые квадраты определенно получили название без опоры на наименования объектов других типов, вследствие административного решения, а объекты других типов могли называться уже по квадратам.

Весьма широко представлены наименования, мотивированные антропонимами (всего их в рассмотренном материале не менее 120). Не во всех случаях удалось достоверно определить лиц, чьи имена легли в основу наименований. Исследование наименований объектов отантропонимического происхождения требует дальнейшего уточнения биографий лиц, в честь которых названы эти объекты, и их связи с историей месторождения. Однако очевидно, что значительная часть объектов названа не в честь людей, которые непосредственно работали на объекте, и имеет характер посвящения. Это, пожалуй, наиболее ярко подчеркивает искусственный характер ономастической системы месторождения.

Примечательно, что часть отантропонимических именовании имеет варианты корневой части (*Елизаветский / Елизавенский, Коневский / Коновский, Чигаревский / Щигаревский, Соймоновский / Соймановский*). Некоторые из них можно объяснить простыми опечатками и орфографическими ошибками в письменных источниках (*Елизаветский / Елизавенский, Соймоновский / Соймановский*), другие же, вполне вероятно, подверглись переосмыслению значения производящей основы (*Коновский / Коневский*). Во всяком случае, такая вариативность указывает на то, что связь лица, в честь которого назван объект, с самим объектом уже стирается.

Отобъектную мотивацию имеет сравнительно малое число рассмотренных наименований (всего 46). Учитывая весьма развитую в системе наименований деривацию, это количество условно можно расширить до 86, если включить сюда переносы отобъектно мотивированных наименований (типа *Пересеченная, жила > Пересеченная, дайка*) и случаи формальной деривации (*Диагональная, дайка > Вторая Диагональная, дайка*). Следует учитывать, что в это число входят и случаи метонимического переноса наименований с географических объектов, находящихся за пределами месторождения (типа *Калиновская, жила* — от названия ближайшего населенного пункта). Если бы ономастическая система месторождения

складывалась естественным путем, отобъектно мотивированных единиц, вероятно, было бы гораздо больше. Примечательно, что наибольшее число отобъектно мотивированных наименований принадлежит жилам и дайкам, т. е. тем объектам, которые, скорее всего, получали название в порядке частной инициативы, а номинаторами выступали рабочие и специалисты, ведущие работы на этих объектах. Именно эти типы объектов (в отличие от рудников, верстовых квадратов и пр.) демонстрируют случаи естественного складывания ономастической системы. Чаще всего в качестве существенного признака объекта, легшего в основу номинации, выбирается перспективность разработки и географическое положение.

Таким образом, система наименований объектов Березовского месторождения золота складывалась преимущественно как искусственная, демонстрируя при этом некоторые элементы естественной ономастической системы.

Интересно, что подобным же образом присваивались наименования объектам и на других среднеуральских месторождениях золота. Названия мест обнаружения золота могли мотивироваться именами первооткрывателей или названиями населенных пунктов, из которых они были родом, а в дальнейшем эти наименования переносились на названия рудников. Так, на Чусовских рудниках «Василий Бабин обнаружил золото на месте, где затем возник второй чусовской рудник, получивший название Бабинский <...> Петр Крылатков <...> разыскал золотую руду в месте, где заложили второй Крылатковский рудник. Крестьянин Роговин из деревни Макаровой открыл золото, вызвавшее к жизни рудник, названный, Макаровским; мастеровой Баландин — Баландинский, крестьянин Бузанов — Бузановский. За первое полугодие следующего 1804 г. местные рудознатцы нашли много мест, богатых золотом, на которых возникли новые рудники <...> Моховский — мастеровым Моховым, первый и второй Зыряновский — штейгером Зыряновым, Пушкинский — лаборантом Пушкиным. Дьячок Иван Архипов нашел тогда золото на месте, где затем заложили Дьячковский рудник» [Данилевский, 1959, 101]. Здесь налицо общий подход к мотивировке наименования вновь возникших объектов, случаи переносов (например, названия места находки и, предположительно, копи или прииска — на название рудника; появление наименований, отражающих очередность времени разработки, типа *Второй Крылатковский, Первый Зыряновский, Второй Зыряновский*). Названия приисков могли быть мотивированы лексикой религиозной сферы и именами лиц царской династии, такие наименования имели явный посвятельный характер: «В 1824 г. на Гороблагодатских заводах были открыты Царево-Александровский, Благовещенский, Петровский, Успенский, Петропавловский, Михайловский прииски» [Там же, 131]. На Кыштымских рудниках мы встречаем имя В. Ю. Соимонова, а также женские имена *Мария* и *Анна*, широко представленные на карте Березовского месторождения: «В 1824 г. в даче Кыштымского завода начал действовать богатый Соимоновский прииск <...> Кроме того, в той же даче успешно работали Черноречинский, Мариинский и Аннинский прииски» [Там же, 139]. Приведенные

примеры демонстрируют, что обозначенный в работе подход к наименованию объектов следует признать более или менее универсальным, во всяком случае для рассматриваемых периода, региона и типа объектов.

Источники

- БЗК — Сапоговская Л. В., Рукоусев Е. Ю. Березовская золотопромышленная компания (1874–1917 гг.). Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004.
- БЗМ — Клейменов Д. А., Альбрехт В. Г., Ерохин Ю. В., Баталин А. С., Баталина А. В. Березовское золоторудное месторождение (история и минералогия). Екатеринбург : Уральский рабочий, 2005.
- БМЗ — Поленов Ю. А., Огородников В. Н., Бабенко В. В. Березовское месторождение золота — уникальный объект полихронного и полигенного рудообразования. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2015.
- Весновский В. А. Очерки уральской золотопромышленности. Томск : Типолит. М. Н. Кононова и И. М. Скулимовского, 1898.
- Данилевский В. В. Русское золото. М. : Тип. Metallurgizdata, 1959.
- Локерман А. А. Загадка русского золота. М. : Наука, 1978.
- МЗУ — Сазонов В. Н., Огородников В. Н., Коротеев В. А., Поленов Ю. А. Месторождения золота Урала. Екатеринбург : Изд-во УГГГА. 2001.
- Митинский А. Н. Горнозаводский Урал. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1909.
- Рождественская, 1946 — Золото / под ред. К. Рождественской. Свердловск : Свердлов. обл. гос. изд-во, 1946.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Тетеркин Г. П., Романихин И. Ф. Наш город Березовский. Свердловск : Среднеурал. кн. изд-во, 1973.
- Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь : Тип. Поповой, 1873.

Исследования

- Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 1998.

Рукопись поступила в редакцию 20.06.2020

* * *

Костылев Юрий Сергеевич

кандидат филологических наук,
научный сотрудник лаборатории
теоретической и прикладной
фольклористики
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

Kostylev, Yuri Sergeevich

PhD, Research Fellow
Laboratory of Theoretical
and Applied Folklore Studies
Perm State National Research University
15, Bukireva St., 614990 Perm, Russia
Email: jurij-kostylev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3208-9911

Yuri S. KostylevPerm State National Research University
Perm, Russia**PREREVOLUTIONARY NAMES OF MINING SITES
OF THE BERYOZOVSKY GOLD DEPOSIT**

The article deals with the proper names of mines, veins, digging pits, and other natural and artificial mining sites located on the territory of the Beryozovsky Gold Deposit (Middle Urals, Russia). The vast majority of these onomastic units appeared in the 18th–19th centuries, in the course of the mining development (since its start in 1745 and until 1917), and are still in more or less active use today. The study aims to identify the motivation for the toponymic objects in the area and to trace the systemic features of them as a naming system. The analysis comprises 268 units retrieved from specialized works on the history of gold mining, the Middle Urals, and specifically the Beryozovsky Deposit. To meet the goals of the study, these are considered in the motivational aspect and in terms of their systemic relations. It appears that a significant part (up to 50%) of names is the result of formal or semantic derivation and are “inherited” from other sites by metonymic transfer or due to the reorganization of previously existing mining facilities. In the motivational aspect, deanthroponymic derivatives tend to predominate. A large number of these names have a memorial character, and their eponyms are often indirectly related to the territory under consideration. In other cases, the toponyms may refer to work managers or owners of specific sites. The religious vocabulary is another important motivation source. There are relatively few names that are motivated by the essential properties of the named objects. Incidentally, these can point to the estimated gold content of the vein or to its geographical location. All these features clearly demonstrate the artificial nature of the analyzed onomastic system. On the extralinguistic side, its formation is driven by the consistent development of the field territory which required administrative regulation of naming.

Keywords: gold industry, mining, onomastic system, motivational model, metonymy, Middle Urals, Beryozovsky, anthroponymy.

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation* (project No. 20-18-00269 “Mining and Early Plant Culture in the Language, Folk Writing and Folklore of the Urals”).

Golomidova, M.V. (1998). *Iskusstvennaia nominatsiia v russkoi onomastike* [Artificial Naming in Russian Onomastics]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU.

Received on 20 June 2020